

мы, русские, бедны, что в наших дореволюционных условиях мы могли много думать, но мало работать. Поэтому труд, как единственный выход, который оденет «голоштанного» мужика и заменит паутину дряхлого кивота «врезанным в рамку Ильичем» — вот центральная тема стихов Орешина. Поэт, с детства сроднившийся с теми, «кто пьет и плачет по полям», правильно понял и повел свою поэзию по пути социальных мотивов.

Орешин — подлинный крестьянский поэт: каждую строчку своих стихов он насытил деревенским пейзажем, мужицким бытом или диалогом (хотя бы такие образы: «зари сквозная бровь», «ветер синим рукавом шумыркнул невзначай по глазу», «звонит к вечерням и обедам сухой в подряснике бобыль»). Его деревня — живая, советская; мужик не уперся в «родительскую избу»: пусть иногда по смешному, но он приспосабливается к новым порядкам. Волостной председатель («Председатель») не чурается комсомола, города. Даже больше — он сознает, что и на заводе работает такой же мужик, «кузнец и земледелец», что они оба — из одной семьи («Смычка»). — Такой же мужик у Орешина и в городских ремесленниках («Песня веселого стекольщика», «Портновская», «Песня ломового извозчика»). Если же деревенскому герою покажется, что он «ненавидит железные небоскребы города», то автор перенесет эту ненависть на тех, кто заставил его «не знать жизнь отдыха от тачки» («Жизнь»).

Стихи Орешина написаны мастером: разнообразная строфика (от двухстишия до семистишия), различные метры, оригинальные крестьянские образы. Автор знает и использует напевы русской песни (стих. «Волга»; правда, этот мотив был уже в песнях Кольцова), частушки (стих. «В Москве», «Начели»). Главное достоинство всех вообще его стихов — сюжетность: они говорят о конкретных, ярко осязаемых людях и вещах. Из недостатков можно указать на изредка встречающуюся растянутость (главным образом, в стихах 1918—1919 г.г.).

Лучшие стихотворения составляют отделы: «Самовольные цветы», «Со-

ломанная плаха» и «Волчья жизнь». Из поэм сборника по формальным достижениям наиболее значительны «Уездное» (очень удачный портрет провинциального зава) и «Великий чудак». Слабее других — «Метель»: очевидно, потому, что автор поставил несвойственную его таланту задачу — изобразить психологию русской интеллигенции после Октябрьской революции. В результате — не поэзия, а публицистика.

В итоге — общественность тем и культурность стиха делают «Соломенную плаху» Орешина ценным вкладом в библиотеку современной русской литературы, а тщательность издания еще более увеличивает ее удельный вес на нашем книжном рынке.

В. Красильников.

Георгий Якубовский. Песни крови.
Госиздат. Москва 1925 год. Стр. 100.

Не случайно строфика и образы Якубовского частью напоминают строфу и образы Верхарна. Русскому пролетарскому поэту, конечно, было очень трудно преодолеть влияние бельгийского певца индустриального города. Особенно трудно было это сделать потому, что его темы оказались родственными, созвучными Верхарновским темам. Так же, как Верхарн, Якубовский пишет о «миллионах человеческих неведомых рук, с грохотом катящих камни труда», о «Восстании погибших», и всегда его стихи — труд городского поэта. Но автор «Песен крови» сумел насытить свои социальные темы конкретностями новой послевоенной мировой обстановки, — и насытить не только рабочей кровью, но и рабочей победой (стих. «Родильный крик»). Эта социальная насыщенность делает книгу стихов Якубовского актуальной книгой нашей поэзии, достойной особенного читательского внимания.

Наиболее значимыми вещами в «Песнях крови» надо признать те стихи, в которых поэт обусловил классовую социальную настроенность своих тем яркими картинами труда и города.

Таковы: поэма «Кровь рабочая» (очень сильные части — «Кровь стру-

ится далеко» и «В госпитале»), «Стихи о чахотке», «Городская мистерия», «Газета» (и др. стихи из отделов, «Кровь рабочая», «Родильный крик»: «Усилия»). Стихи же отделов: «Колесо» и «Ритмы города» значительны. Философия Якубовского выдержанно материалистична и достаточно глубока; поэту следует, продолжая работы в данном плане, делать их проще, понятнее, доказательнее для читателя (сейчас они иногда очень тяжело написаны,—например, стих «Материнство материи»).

Якубовский часто пишет свободным стихом, но он прекрасно знает, какой тщательной шлифовки требует такой стих, чтобы не стать нудной прозой (обязательные условия: звукопись, отточенность эпитета, свежесть образа и т. д.). Как обыкновенно, его стихи оживлены оригинальными городскими и индустриальными образами (война—фабрика калечества; РКП—пекарь миров; настойка из негров, вино из венгров, и т. д.), звукописью («Соли слез будет вдовам вдоволь», или «безмерная сутолока суток» и т. д.), так что все встречающиеся досадные исключения (сюда относятся, например, такие образы, как «живорезный ад», «вокзалов междометия») тонут в общей массе четко сделанных строчек.

В русской пролетарской поэзии урбанистичные индустриальные стихи Якубовского, впервые смело затрагивающие сложные философские проблемы, занимают, без сомнения, своеобразное, интересное и важное место.

В. Красильников.

Венок Белинскому. Сборник под редакцией Н. К. Пиксанова. «Новая Москва». 1924. Стр. 285.

Сборник возник в связи с поминками по Белинскому в 75-ю годовщину его смерти (в 1923 году). Основным ядром его и являются речи, произнесенные в торжественном заседании А. В. Луначарским, П. С. Коганом, П. Н. Сакулиным и А. И. Южиным-Сумбатовым. В своем очерке Луначарский отмечает в личности Белинского элементы резкой

общественной критики, искание средств для низвержения существующего гнета и обращение к социализму, как к наилучшему разрешению вопроса. П. С. Коган намечает живыми чертами внутреннюю драму Белинского на пути «от идеализма к материализму», когда утопический социализм уже не мог удовлетворить писателя, а «коммунистический манифест» еще не появлялся (появление его совпало со смертью великого критика). П. Н. Сакулин в изящной статье «Проблема искусства» связывает эстетизм Белинского с художественными запросами наших дней. Наконец, А. И. Южин дает авторитетное мнение специалиста о театральных писаниях Белинского. Этот отдел—наиболее округленная часть сборника.

Ему предшествуют «новые тексты Белинского», т.-е. ряд статей и заметок, не вошедших в «полные собрания». Весьма ценно впервые публикуемое здесь письмо Белинского к Боткину 1838 г. (из Москвы).

Последний отдел отличается большим разнообразием материалов и даже некоторой пестротой. Тут и музыка, и Сикстинская Мадонна, и Тургенев, и Диккенс, и Блок, и Полонский, и Некрасов, и Штирнер, и многие другие. Тем не менее, разнообразность тем не препятствует научности их разработки, и некоторые статьи этого отдела произведут впечатление углубленных монографических исследований. Отметим особенно работу М. Алексева «Белинский и Диккенс», свежую по постановке основной темы и разворачивающую обширную главу из истории английского влияния в русской литературе.

Сборник украшен рядом иллюстраций и издан тщательно. Цена его (4 руб.) все же непомерно высока и, конечно, сильно затормозит его распространение. Об этом можно только пожалеть. Как все работы, выходящие под редакцией Н. К. Пиксанова, новая книга о Белинском отличается свежестью материалов, точностью обработки и представляет для всех интересующихся историей русской литературы высокий интерес.

Л. Г.